

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Вертел

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Вертел / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95206-4

ISBN 978-5-519-95206-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вотъ и вся ѣда. А какая работа, ежели у человѣка въ середкѣ пусто?.. Небось самъ-то Алексѣй Ивановичъ разъ пять въ день чаю напьется. Дома два раза пьетъ, а потомъ еще въ гости уйдетъ и тамъ пьетъ... И какой плутъ: обѣдаетъ вмѣстѣ съ нами да еще похваливается... Это онъ для отводу глазъ, чтобы мы не роптали. А самъ, навѣрно, еще пообѣдаетъ наособицу.

Эти разсужденія заканчивались каждый разъ такъ:

— Уйду я отъ него,—вотъ и конецъ дѣлу. Будетъ,—одиннадцать годиковъ поработалъ на Алексѣя Ивановича. Довольно... А работы, сколько угодно... Сдѣлай милость, кланяться не будемъ.

Работавшій рядомъ съ Ермилычемъ чахоточный мастеръ Игнатій обыкновенно молчалъ. Это былъ угрюмый человѣкъ, не любившій даромъ терять слова. Зато подмастерье Спирька, молодой, бойкій парень, щеголявшій въ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ, любилъ подзадорить дѣдушку, какъ называли рабочіе старика Ермилыча.

— И плутъ же онъ, Алексѣй-то Ивановичъ! — говорилъ Спирька, подмигивая Игнатию. — Мы-то чахнемъ на его работѣ, а онъ плутуетъ. Цѣлый день только и дѣлаетъ, что ходитъ по городу да обманываетъ, кто попросе. Помнишь, дѣдушка, какъ онъ стекло

продалъ барынѣ въ проѣзжающихъ номерахъ? И еще говорить:— „Самъ все работаю, своими руками“...

— И еще какой плутъ!—соглашался Ермилычъ.—Въ прошломъ году вотъ какъ ловко подмѣнилъ аметистъ проѣзжающему барину! Тотъ ему далъ поправить камень, потому грань притупилась, и царапины были. Я и поправлялъ еще... Камень былъ отличный!.. Вотъ онъ его себѣ и оставилъ, а проѣзжающему-то барину другой всучилъ... Известно, господа ничего не понимаютъ, что и къ чему.

Четвертый рабочій Левка, нѣмой отъ рожденія, не могъ принимать участіе въ этихъ разговорахъ, и только мычалъ, когда Ермилычъ знаками объяснялъ ему, какой плутъ ихъ хозяинъ.

Самъ Уховъ заглядывалъ въ свою мастерскую только рано утромъ, когда раздавалъ работу, да вечеромъ, когда принималъ готовые камни. Исключеніе представляли тѣ случаи, когда попадала какая-нибудь срочная работа. Тогда Алексѣй Иваннычъ забѣгалъ по десяти разъ, чтобы поторопить рабочихъ. Ермилычъ не могъ терпѣть такой срочной работы и каждый разъ ворчалъ.

Всего смѣшнѣе было, когда Алексѣй Иваннычъ приходилъ въ мастерскую, одѣтый, какъ мастеровой, въ старенькомъ пиджакѣ,

въ замазанномъ желтыми пятнами наждака передникѣ. Это значило, что кто-нибудь придетъ въ мастерскую, какой-нибудь выгодный заказчикъ или любопытный проѣзжающій. Алексѣй Иванычъ походилъ на голодную лису: длинный, худой, лысый, съ торчавшими щетиной рыжими усами и безпокойно бѣгавшими, безцвѣтными глазами. У него были такія длинныя руки, точно природа создала его специально для воровства. И какъ ловко онъ умѣлъ говорить съ покупателями. А ужъ показать драгоцѣнный камень никто лучше его не умѣлъ. Такой покупатель разглядывалъ какую-нибудь трещину или другой порокъ только дома. Иногда обманутые являлись въ мастерскую и получали одинъ и тотъ же отвѣтъ,—именно, что Алексѣй Иванычъ куда-то уѣхалъ.

— Какъ же это такъ? --- удивлялся покупатель.—Камень никуда не годится...

— Мы ничего не знаемъ, баринъ,—отвѣчалъ за всѣхъ Ермилычъ.—Наше дѣло маленькое...

Всѣ рабочіе, обыкновенно, покатывались со смѣху, когда одураченный покупатель уходилъ.

— А ты смотри хорошенько,—наставительно замѣчалъ Ермилычъ, косвенно защищая хозяина:—на то у тебя глаза есть... Алексѣй-то Иванычъ выучить.

Всѣхъ больше злорадствовалъ Спирька, хохотавшій до слезъ. Все-таки развлеченіе, а то сиди день-денской за верстакомъ, какъ пришитый. Да и господъ жалѣть нечего: дикія у нихъ деньги, — вотъ и швыряютъ ихъ.

Работа въ мастерской распредѣлялась такимъ образомъ. Сырые камни сортировалъ Ермилычъ, а потомъ передавалъ ихъ Левкѣ „околтать“, т.-е. обколотъ желѣзнымъ молоткомъ такъ, чтобы можно было гранить. Это считалось черной работой, и только самые дорогіе камни, какъ изумрудъ, околтывалъ Ермилычъ самъ. Околтанные Левкой камни поступали къ Спирькѣ, который обтачивалъ ихъ на-черно. Игнатій уже клалъ *фасетки* (границы), а Ермилычъ поправлялъ еще разъ и полировалъ. Въ результатъ получались играющіе разными цвѣтами драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни: изумруды, хризолиты, аквамарины, тяжеловѣсы (благородный топазъ), аметисты, а больше всего — раухъ-топазы (дымчатаго цвѣта горный хрусталь) и просто горный безцвѣтный хрусталь. Изрѣдка попадали и другіе камни, какъ рубины и сапфиры, которые Ермилычъ называлъ „зубастыми“, потому что они были тверже всѣхъ остальныхъ. Аметисты Ермилычъ называлъ архіерейскимъ камнемъ. Старикъ относился къ камнямъ, какъ къ чему-то жи-

вому и даже сердился на нѣкоторые изъ нихъ, какъ хризолиты.

— Это какой камень? Прямо сказать, врагъ нашъ, — ворчалъ онъ, пересыпая на рукъ блестящія изумрудно-зеленые зерна. — Всякій другой камень мокрымъ наждакомъ точится, а этому подавай сухой. Вотъ какъ наглотаешься пыли-то... Одна маета.

Большіе камни точились прямо рукой, нажимая камнемъ на вертѣвшійся кругъ; а мелкіе предварительно прилѣплялись особой мастикой къ деревянной ручкѣ. Во время работы вертѣвшійся кругъ постоянно смачивался наждакомъ. Наждакъ — порода корунда, которую для граненія и шлифованія превращаютъ въ мельчайшій порошокъ. При работѣ высохшій наждакъ носится мелкой пылью въ воздухъ, и рабочіе дышатъ этой пылью, засоряя легкія и портя глаза. Благодаря именно этой наждачной пыли, большинство рабочихъ-гранильщиковъ страдаютъ грудными болѣзнями и рано теряютъ зрѣніе. Прибавьте къ этому еще то, что работать приходится въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, безъ всякой вентиляціи, какъ у Алексѣя Иваныча.

— Тѣсновато... да... — говорилъ самъ Уховъ. — Ужо новую мастерскую выстрою, какъ только поправлюсь съ дѣлами.

Годъ шелъ за годомъ, а дѣла Алексѣя Иваныча все не поправлялись. Относитель-

но пищи повторялось то же самое. Алексѣй Иванычъ самъ иногда возмущался обѣдомъ своихъ рабочихъ и говорилъ:

— Какой это обѣдъ? Развѣ такіе обѣды бывають?.. Вотъ только поправлюсь дѣлами, тогда все повернемъ по-настоящему.

Алексѣй Иванычъ никогда не спорилъ, не горячился, а соглашался со всѣми и дѣлалъ по-своему. Даже Ермилычъ, какъ ни бранилъ хозяина за глаза, говорилъ:

— Ну, и человѣкъ тоже уродился! Его, Алексѣя Иваныча, какъ живого налима, никакъ не ухватишь рукой. Глядишь, и вывернулся. А на словахъ-то, какъ гусь на водѣ... Онъ же еще и жалѣетъ насъ!.. И тѣсно-то намъ, и ѣда-то плохая... Ахъ, какой человѣкъ уродился!.. Однимъ словомъ, кругомъ плуты!..

II.

Солнце свѣтило во всѣ глаза, какъ оно свѣтитъ только въ іюлѣ. Было часовъ одиннадцать утра. Ермилычъ сидѣлъ на самомъ припекѣ и наслаждался тепломъ. Его уже не грѣла старая кровь. Прошка думалъ цѣлое утро объ обѣдѣ. Онъ постоянно былъ

голодень и жилъ только отъ ѣды до ѣды, какъ маленькій, голодный звѣрокъ. Онъ рано утромъ заглядывалъ въ кухню и видѣлъ, что на столѣ лежалъ кусокъ „шейны“ (самый дешевый сортъ мяса, отъ шеи) и впередъ предвкушалъ удовольствіе поѣсть шей съ говядиной. Что можетъ быть лучше такихъ шей, особенно, когда жиръ покрываетъ варено слоемъ чуть не въ вершокъ, какъ отъ свинины?.. Сейчасъ, лѣтомъ, свинина дорога, и это удовольствіе доступно только зимой, когда привозятъ въ городъ мороженныхъ свиней, и Алексѣй Ивановичъ покупаетъ цѣлую тушу. Хороша и шейна, если хозяйка не разбавитъ щи водой. Отъ этихъ мыслей у Прошки щемило въ желудкѣ, и онъ глоталъ голодную слюну. Если бы можно было наѣдаться до-сыта каждый день!..

Прошка вертѣлъ свое колесо, закрывъ глаза. Онъ часто такъ дѣлалъ, когда мечталъ. Но его мысли сегодня были нарушены неожиданнымъ появленіемъ Алексѣя Ивановича. Это значило, что кто-то придетъ въ мастерскую, и что придется ждать обѣда. Алексѣй Ивановичъ нарядился въ свой рабочій костюмъ и озабоченно посмотрѣлъ кругомъ.

— Этакая грязь!..— думалъ онъ вслухъ. — И откуда только она берется? Хуже, чѣмъ въ конюшнѣ... Спирька, хогъ бы ты прибралъ что-нибудь!

Спирька съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ кругомъ. Если убирать, такъ надо всю мастерскую разнести по бревнышку. Онъ все-таки перенесъ изъ одного угла въ другой нѣсколько тяжелыхъ камней, валявшихся въ мастерской безъ всякой надобности. Этимъ все и кончилось. Алексѣй Ивановичъ только покачалъ головой и проговорилъ:

— Ну, и мастерская, нечего сказать! Только свиней держать.

Время подошло къ самому обѣду, когда у воротъ уховскаго дома остановился щегольской экипажъ, и изъ него вышла нарядная дама съ двумя дѣтьми: дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати и мальчикомъ лѣтъ десяти. Алексѣй Ивановичъ выскочилъ встрѣчать дорогихъ гостей за ворота безъ шапки и все время кланялся.

— Ужъ вы извините, сударыня!.. Грязновато будетъ въ мастерской: а камушки вы можете посмотрѣть у меня въ домѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — настойчиво повторяла дама. — Камни я могу купить и въ магазинѣ; а мнѣ именно хочется посмотрѣть вашу мастерскую, т. е. показать дѣтямъ, какъ грабятся камни.

— А, это другое дѣло! Милости просимъ...

Дама поморщилась, когда переступила порогъ уховской мастерской. Она никакъ не ожидала встрѣтить такое убожество.

— Отчего у васъ такъ грязно? — удивлялась она,

— Намъ никакъ невозможно соблюдать чистоту, — объяснялъ Алексѣй Ивановичъ. — Извѣстно, камень... Пыль, соръ, грязь... Ужъ какъ стараемся, чтобы почище.

Эти объясненія, видимо, нисколько не убѣдили даму, которая брезгливо подобрала юбки, когда переходила отъ двери къ верстаку. Она была такая еще молодая и красивая, и уховская мастерская наполнилась запахомъ какихъ-то дорогихъ духовъ. Дѣвочка походила на мать и тоже была хорошенькая. Она съ любопытствомъ слушала подробныя объясненія Алексѣя Ивановича и откровенно удивилась въ концѣ концовъ тому, что изъ такой грязной мастерской выходятъ такіе хорошенькіе камушки.

— Да, барышня, случается, — объяснилъ Ермилычъ: — и бѣлый хлѣбъ, который изволите кушать, на черной землѣ рождается.

Алексѣй Ивановичъ прочиталъ цѣлую лекцію о драгоцѣнныхъ камняхъ. Сначала показалъ ихъ въ сыромъ видѣ, а потомъ — послѣдовательную обработку.

— Прежде камней было больше, — объяснилъ онъ, — а теперь годъ отъ году все меньше и меньше. Вотъ взять александритъ, — его днемъ съ огнемъ найщешься. А господа

весьма его уважаютъ, потому какъ днемъ онъ зеленый, а при огнѣ красный. Разнаго сословія бываетъ, сударыня, камень, все равно, какъ бываютъ разные люди.

Мальчикъ совсѣмъ не интересовался камнями. Онъ не понималъ, чѣмъ любитъ мать и сестра, и чѣмъ хуже граненныя цвѣтныя стекла. Его больше всего заняло деревянное большое колесо, которое вертѣлъ Прошка. Вотъ это штука, дѣйствительно, любопытная: такое большое колесо и вертится! Мальчикъ незамѣтно пробрался въ темный уголокъ къ Прошкѣ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на блестящую желѣзную ручку, за которую вертѣлъ Прошка.

— Отчего она такая свѣтлая?

— А отъ рукъ,—объяснилъ Прошка.

— Дай-ка, я самъ поверчу...

Прошка засмѣялся, когда барчонокъ принялся вертѣть колесо.

— Да это очень весело... А тебя какъ зовутъ?

— Прошкой.

— Какой ты смѣшной: точно изъ трубы вылѣзъ.

— Поработай-ка съ мое, такъ не такъ еще почернѣешь.

— Володя, ты куда это забрался? — удивилась дама.—Еще ушибешься...

— Мамочка, ужасно интересно!... Отдай